

УДК 801.73

САКРАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА РОМАНА Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

© 2017 г.

С.Г. Павлов

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Н. Новгород

sergeypavlov70@mail.ru

Поступила в редакцию 22.12.2016

Представлено описание сакральной семиотики романа Е. Водолазкина «Лавр», основное содержание которой составляют неконвенциональная концепция имени, богословское учение о безмолвии и Пятидесятнице и символика имён. Выявляются семиотические (языковые) средства выражения одной из ключевых идей романа – иконическое подобие социальных и личностных событий в разные периоды жизни. Использована методика имманентного анализа художественного текста с привлечением теоретической базы общего языкознания и богословского инструментария. Установлен ряд семиотических (языковых) параллелей символического характера, позволяющих не только проследить сюжетную линию текста, но и отчётливо увидеть в его композиционной структуре идейно-художественную специфику.

Ключевые слова: поэтический мир, семиотика, сакральный, мифология языка, логотерапия, имя, безмолвие, символизм, языковая идентичность, этимология.

Введение

В поэтическом мире романа Е. Водолазкина «Лавр», написанного филологом-медиевистом, специалистом по древнерусской литературе, семиотический компонент имеет концептуальное значение. Предметом настоящей статьи является проблема языковой и текстуальной репрезентации сакральной семиосферы романа. Семиотическое осмысление реальности пронизывает всю художественную ткань произведения – от локальных фрагментов до общей идеи. Специфика «Лавра», описывающего эпоху Средневековья и насыщенного религиозными мотивами, обуславливает обращение как к филологическому инструментарю, так и к богословской, святоотеческой мысли. В сакральной семиосфере романа мы выделяем два значимых фрагмента – концепцию языка как словесного дара человека и антропонимическую символику. Объединяются они образом главного героя – врача Арсения, по допущенной им в молодости слабости ставшего причиной смерти своей невенчанной возлюбленной – Устины. Она умерла у него на руках при родах мёртвого младенца – сына Арсения. Жизненный путь героя, сменившего четыре имени, становится попыткой прожить за Устину, чтобы спасти её и сына от вечной гибели.

I. Концепция языка**1. Логотерапия**

Е. Водолазкин, отмечая, что предположительная этимология слова *врач* – *врати* ‘гово-

рить, заговаривать’, пишет: *Такое родство подразумевает, что в процессе лечения существенную роль играло слово. Слово как таковое – что бы оно ни означало. Средневековая медицина, во многом бывшая логотерапией, являлась таковой не только ввиду отсутствия медикаментов и эффективных методов диагностики. В романе представлен мифологизм, отождествляющий имя и реалию. В мифологической интерпретации вещь субстанциально присутствует в своих номинациях, и вместе со словом меняется сама действительность. Но это не примитивный магизм пралогического мышления. Сущность данного мифологизма не магия, а вера, по которой слова покаяния, например, не только облегчают душу, но и мгновенно помогают страдающему от опухоли дыхательных путей корабельщику Прокопию. После произнесенного признания *Прокопий выдохнул. И следующий вздох показался ему легче предыдущего.**

Вера в суггестивную силу слова основана на неконвенциональной концепции имени, согласно которой оно является неотъемлемым атрибутом вещи. Имя – такой же признак материи, как её протяженность, масса и энергия. В картине мира средневековой Руси имя, будучи частью материальной действительности, может замещать сам предмет. Отсюда и возможность оперирования физической субстанцией через язык. Язык в романе может служить средством «коммуникации» между человеком и неодушевленной сущностью. Мировоззрение средневековых врачей позволяет им обратиться к болезни напрямую. Причём речь их выглядит лишь ими-

тацией, т.к. она бессмысленна. Но в этих семантически выхолощенных речевых актах присутствует прагматический смысл, позволяющий добиться перлокутивного эффекта и в такой сомнительной коммуникативной ситуации: *Произнося ритмичные, внешне лишённые смысла речи, они заговаривали болезнь, убеждая её покинуть тело пациента.*

При этом «коммуникативный успех» во многом зависит от больных, которые обязаны верить врачу и силе его слов. Тогда, рассказывая о своих мучениях, они могли чувствовать облегчение. По вере средневековых людей, врач *уговаривает* болезнь уйти, и вместе со словами о боли она, по ощущениям больных, действительно выходит. Это подчёркивается сближением однокоренных слов, выступающих в функции субъекта (*болезнь*) и объекта (*боль*) предложения: *...Вместе с тягучими, пропитанными болью словами мало-помалу из них выходила болезнь. Пропитанные болью слова не метафора, как это видится современному читателю. В поэтическом мире романа данные слова можно понимать буквально.*

Безверие больных лишает целителя его силы. Оклеветанный Лавр (имя Арсения в схеме) воспринимается людьми как падший праведник и теряет в их глазах божественную санкцию и моральное право на исцеление. Свою неспособность справиться даже с простейшей болезнью Лавр объясняет именно неверием пациентов, обращающихся к нему всего лишь по инерции: *Они мне больше не верят, и это... разрывает нашу с ними связь.*

2. Словесность как молитва

Слово *речь* в системе языка находится в парадигматических отношениях со своим антонимом – *молчанием*. В романе *речь* тоже противопоставлена молчанию, но совершенно иного рода. Как отмечает автор, *роль слова в Средневековье была значительнее, чем сейчас. И говорить приходилось довольно много. Вопреки всеобщей многословности Арсений говорил очень мало.* Однако это не просто молчание. Экстралингвистическим фоном за ним стоит аскетическая практика умного делания православных монахов, на что указывает упоминание слов преподобного Арсения Великого: *много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о молчании я не жалел никогда.* На аскетическом языке подобное молчание есть духовное упражнение и называется *безмолвие души*, определяемое преп. Иоанном Лествичником как «благочиние помыслов и неокрадываемая мысль» [1, с. 409].

Безмолвие – хранение сердца от помыслов посредством умной молитвы, т.е. совершаемой

в уме, без участия органов речи. Намёк на такую молитву дан в описании проводимого Арсением лечения: *Чаще всего он безмолвно смотрел на больного.* Здесь, конечно, подразумевается внутренняя молитва, одновременно испрашивающая исцеления больному и воли Божией. Извещённый в благоприятном исходе, Арсений говорит: *тело твоё тебе ещё послужит.* В противном случае фраза звучит так: *тело твоё пришло в негодность, готовься его оставить.* Личность, собственно человеческое «я», противопоставляется телу как инструменту, необходимому для существования человека во временном земном мире. И бытующий во времени язык, совершеннейшая из коммуникативных систем, тоже всего лишь слабый инструмент человеческого духа, способного к более высоким формам познания и общения.

За молчанием Арсения скрыт диалог с Богом. Подтверждением богообщения являются и предвидение Арсением исхода болезни, и число вылеченных им людей, что свидетельствует о сверхъестественной помощи. Язык как разумная деятельность души в безмолвии не прекращается, но уходит в её мистическую глубину, где предстаёт в своей молитвенной ипостаси. Молчание молящегося врача есть только преддверие подлинного безмолвия, на которое Арсений выходит в новом качестве. В Пскове, где он жил под именем Устин, гибнет юродивый Карп, и юродивый Фома направляет Арсения в паломничество на Святую землю: *С уходом Карпа в твоём молчании больше нет смысла. Ты мог молчать, потому что говорил Карп.*

Молитва совершенствуется подвижничеством и страданиями, и *речь* Арсения, после страшных приключений вернувшегося из Иерусалима, приобретает новое звучание: *...Теперьешние его слова звенели такой тишиной, какая не свойственна самому глубокому молчанию.* За внешней катахрезой фразы (*звенели тишиной*) скрыто содержание конфессиолектизма *тишина* (о понятии «конфессиолект» см. [2]). В литературном языке слово *тишина* обозначает отсутствие звуков, а в конфессиолекте – «душевный покой, немятежный мир чистых помыслов» (Ср. эпитет Христа в 3-й песне Канона Пресвятой Богородице – «Начальник тишины»). *Тишина* слов Арсения передаёт людям благодатное состояние его прошедшей подвиг безмолвия и искушённой в горниле страданий души.

3. Словесность в аксиологической диаде «жизнь vs смерть»

Мёртвые в романе подчёркнуто молчат. Давно похороненный Елеазар в ответ на неприличную просьбу маленького Арсения оправдать своё прозвище Ветроудой *обиженно молчит.*

Дед Арсения Христофор, пытаясь оживить убитую молнией жену, сталкивается с её молчанием: *Под его пальцами беззвучно шевелились её губы. <...> Он уговаривал жену встать и вернуться домой. Она молчала. И ничто не могло заставить её заговорить.* Смерть определяется Арсением через отсутствие речи: *Смерть – это когда не двигаются и молчат.* Пытаясь преодолеть воздвигнутую смертью стену молчания, Арсений начинает разговаривать с умершей Устиной и тем самым как бы включает её в число живых. Внешне он точно так же разговаривает в молитве с праведным Симеоном, преподобной Ефросиньей, преподобным Агапитом. Однако разговор со святыми имеет принципиально иную интенцию. По церковному вероучению, природа человека повреждена грехопадением, и рождается он духовно мёртвым – неспособным к непосредственному и правильному общению с Богом: «Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов» (Мф. 8:21–22). *Мёртвыми* названы не уверовавшие во Христа люди. Причем мёртвые они не метафорически, а в буквальном, конфессионально обусловленном смысле.

Жизнью на языке православного богословия называются её источник – Христос, бесстрастное состояние души и пребывание с Богом: «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Фил. 1:21); «И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, ... Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом» (Еф. 2:1–5). Святые действительно живы, и коммуникация с ними аналогична общению с невидимым собеседником, отвечающим молящемуся особыми состояниями его души и исполнением молитвенных прошений. Впечатление Арсения от монастырских пещер, где он видит мощи святых, выражено антиномичным совмещением речи и молчания, движения и покоя: *Святые вроде бы не двигались и даже не говорили, но молчание и неподвижность умерших были не безусловны. Там, под землёй, происходило не вполне обычное движение и раздавались особого рода голоса, не нарушавшие строгости и покоя. Святые говорили словами псалмов и строками из своих житий...* В ответ на комментарий своего спутника, итальянца Амброджо, *Они представляют нам иллюзию жизни* Арсений возражает: *Они опровергают иллюзию смерти.*

Смертью души на богословском языке называется разрыв её связи с Творцом вслед-

ствие греховной жизни человека. Жизнь Устины, которая перед смертью не получила разрешения грехов, под вопросом, и общение с ней отнюдь не гарантировано. Самостоятельная деятельность души по выходу из тела прекращается, что означает невозможность загробного покаяния. Старец Никандр, говоря об этом Арсению, всё-таки не отказывает ему в надежде на посмертное изменение участи Устины. Душа не может помочь себе сама, но ей может помочь человек, отождествивший себя с ней. На вопрос Арсения *Разве у меня есть возможность жить вместо неё?* старец отвечает: *В серьёзно понятом смысле – да. Любовь сделала вас с Устиной единым целым, а значит, часть Устины всё ещё здесь. Это – ты.*

Разговор Арсения с Устиной внешне выглядит автокоммуникацией, знаком чего служит отречение Арсения от собственного имени и принятие имени *Устин*. Разговор с самим собой воспринимается как признак сумасшествия, но это и элемент юродства. Именно за юродивого, человека Божия, принимают Арсения в Пскове. Юродствуя под именем *Устин*, Арсений живёт за Устину и старается вписать её в книгу жизни. Неконвенционально понимаемый язык мыслится онтологически. Он представляет собой часть единой реальности, которая делится на пространственно-временной земной мир и недискретный континуум вечности, где времени нет. Именно отсутствием времени старец Никандр обосновывает надежду на спасение ушедшей во грехе души Устины: *... Там, где она сейчас, нет уже. И ещё нет. И нет времени, а есть бесконечная милость Божия...* Обращаясь к отказавшемуся от своей личности Арсению, люди, в силу онтологической замещённости человека именем, общаются с Устиной. Ей соответственно вменяются душевные состояния, слова и дела Арсения-Устина. Его жизнь становится символом надежды на спасение Устины и средством осуществления этого чаяния.

4. Языковая Пятидесятница

Язык, будучи одним из неотъемлемых атрибутов идентичности, часто превращается в предмет межкультурных коммуникативных неудач, конфликтов и трагедий. Для населения хорватского города Зары, входящего в Венецианскую республику, незнакомый язык становится неоспоримым свидетельством национальности, конфессиональной принадлежности и политических взглядов. Один ирландский монах шутил, что из восточных языков ему важнее всего немецкий. По замечанию Амброджо, шутка оказалась пророческой. Немецкий язык паломников из Бранденбурга определяется хорватами как турецкий, в силу чего их принимают

за турецких лазутчиков, что едва не заканчивается смертью Арсения.

Язык разделяет людей на земле, но он лишь поверхностная, временная семиотика. Глубже её лежит первооснова мира – добро, которое делает язык ненужным. Языковые барьеры упраздняются силой совместной молитвы, страдания и любви. Амброджо слушает Тадеуша и Ядвигу, приютивших у себя смертельно раненного стражника: *Они что-то сказали ему польски. Амброджо не понял их слов, но кивнул. Он был согласен с любым их словом, поскольку видел, что они добрые люди.* Качественно иной пример преодоления языковых ограничений являет Арсений, который понимает большую проказой итальянку Лауру по глазам. В этих эпизодах средствами художественной символики кодируется идея Пятидесятницы. Святой Дух, сошедший на апостолов на пятидесятый день после Пасхи, воссоединяет разъединенное вавилонским «смешением языков» человечество на новом, духовном, уровне. Говорящие на разных языках герои романа переживают Пятидесятницу, без слов понимая универсальный язык страдающих глаз и интонацию любви.

II. Семиотические круги романа

Кольцевая композиция романа заметна невооружённым глазом. Лингвистический и богословский анализ позволяют выявить её неочевидные смыслы.

1. Круг первый. Знаки в пути

Первый семиотический круг очерчивает поиск Арсением знака богоугодности своего подвига. Можно указать по крайней мере два таких знака, но оба они перспективны, и Арсений их до времени не видит. Линии замкнутся позже, впрочем, скорее, для внимательного читателя, чем для героя, который до самого конца остаётся в неведении. Псковский юродивый Фома говорит Арсению: *Ты отработал уже за Лию, и за Рахиль, и ещё за кого-то третьего.* (Лия и Рахиль – две жены Иакова, которых он выкупил семилетней отработкой за каждую (Быт. 29). На что Арсений в сердце отвечает: *Только не за Устину.* Он не понял Фому, использовавшего так называемый пророческий перфект, который говорит о будущем в форме прошедшего времени и представляя грядущее уже свершившимся событием. Фома предсказал Арсению, что тот вымолит двух своих «жён» – Устину и Анастасию, а также своего безымянного младенца. Второй знак дан через прокаженную венецианку Лауру, которую Арсений исцеляет и возвращает в родительский дом. В дальнейшем её имя переходит к Арсению,

ставшему в схиме *Лавром*. Сам Лавр исцеляет свою душу от греховной проказы и возвращается в дом Небесного Отца. Последнее имя Арсения стало названием романа. Занимая семантически акцентированную позицию, заглавие выражает ключевую идею произведения. Лавр – вечнозеленый символ триумфатора, победителя смерти. Но в Венеции Арсений о своей победе ещё не знает.

2. Круг второй. От Устины к Анастасии

Старец Иннокентий наставляет Амвросия (монашеское имя Арсения): *Есть сходные события..., но из этого сходства рождается противоположность. <...> Древо познания приводит человека к смерти, а крестное древо дарует человеку бессмертие. ... Повторения даны для преодоления времени и нашего спасения. – Ты хочешь сказать, что я снова встречу Устину? – Я хочу сказать, что непоправимых вещей нет.* Устину вместе с мёртворожденным младенцем символически замещает Анастасия, ответственность за беременность которой Лавр, спасая женщину от суеверных жителей Рукиной слободки, принимает на себя. *Устина* – русифицированный вариант латинского имени *Justina*, восходящего к *justus* ‘справедливый, законный’. Символика имени *Устина*, обыгрывая латинскую этимологию, таит и другие смыслы. В *Устине* противопоставлены однокоренные, но семантически противоположные слова – древнерусское *усть* ‘исток реки’ [3, с. 1292] и современное *устье* ‘место впадения реки (в море, озеро или другую реку)’. Они и есть *сходство* (общность этимологии), породившее *противоположность* (семантика древнерусского и русского слов). Имя *Устина* символизирует, с одной стороны, источник греха и покаяния Арсения, с другой, итог этого покаяния. Арсений отождествляет Устину и Анастасию, своего безымянного сына и младенца последней: *Анастасии (Анастасии?) не хочется лежать в темной пещере. <...> Не отходи от меня, просит она Лавра. – Я здесь, любовь моя... И мы вместе.* Своё обычное обращение к Устине *любовь моя* Лавр адресует (*Анастасии?*), имя которой (греч. *ἀνάστασις* ‘воскресение’) указывает на результат его покаянного подвига. Старец Никандр, вселяя в Арсения надежду, сказал о погибшей Устине, что там, где она сейчас, *нет времени, а есть бесконечная милость Божия.* И теперь справедливость наказания смертью (*Устина*) сменила милость воскрешения (*Анастасия*).

Логическим следствием отождествления стало «усыновление» сына Анастасии, оставшегося на страницах романа безымянным. Лавр принимает его как ребенка Устины, а на слова

Анастасии *Тебе пришлось сказать им неправду* возражает: *Разве я сказал им неправду?* В молодости, не сумев принять роды, Арсений погубил Устину и её младенца. Ныне он возвращает свой последний долг. Анастасия находит мёртвого Лавра, сидящего спиной к сосне с новорождённым младенцем на ещё теплых руках. Уходя, он оставляет живой и мать, и ребёнка. То, что оказалось не под силу безрассудной и эгоистической страсти молодого человека, делает жертвенная любовь старца.

3. Круг третий. Крестоносец

Ещё один семиотический круг оформляет идею победоносного крестоношения. С принятием схимы Лавр поселяется в уединении. Здесь ему стало казаться, что жизнь движется к своему началу. Не к началу всеобщей жизни, сотворенной Господом, а к его собственному началу... Лавр видит себя в озёрном отражении своим дедом Христофором. Обретая его внешность, Лавр принимает смысл имени *Христофор* 'крестоносец' как свою земную миссию. Маленький Арсений, который хотел быть птицей и даже неудачно пытался летать, становится Лавром, которому это удалось. Тогда, в далёком детстве, Арсений слышал от деда о белой птице харадр, берущей чужие язвы на себя и тем уподобляющейся Христу: *Так и Господь наш Иисус Христос вознесся на древо крестное и источил нам пречистую кровь Свою на исцеление греха*. На вопрос Арсения, *где же нам взять эту птицу*, Христофор отвечает: *Будь сам этой птицей, Арсение*. И от задумчивого кивка внука Христофору стало не по себе. Мальчику снилось, что он стал птицей харадром. *Взяв на себя чужие язвы, он взлетает в поднебесье и развеивает их над землёй*. Так и произойдет. Через много лет душа седого схимника с белыми крестами на плечах поднимется над землёй, неся людские горести к Тому, Чья любовь поглощает любую боль.

Лавр, по его словам, вместивший в себя мир, в уединении обретает способность общаться со всеми, кого сохранила ему его память. Мысль его всё чаще обращается к деду. В беседе с Лавром давно усопший Христофор роняет: *Возвращаться, Лавре, свойственно не только птицам, но и людям. Должна быть в жизни какая-то завершенность*. Круг жизни Лавра замыкается в доме Христофора, где ныне стоит церковь, в которой происходит отпевание. Когда-то на лугу перед домом Христофор показывал Арсению *схождение твердей, небесной и земной*. Теперь здесь соединяются земная и небесная жизнь Лавра. При описании собравшихся на поляне людей меняется ракурс: *Если глядеть сверху, стоящие представляются невиданным*

скоплением точек, и лишь Лавр имеет протяжение. Взгляд сверху неслучаен. Во-первых, это взгляд покинувшей тело души Лавра-харадра. Во-вторых, данная проекция позволяет увидеть то, что представляет собой его тело. Руки мёртвого Лавра, по его завещанию влекомого со связанными ногами в лес, *распахиваются, словно в объятиях*. В своём последнем земном пути тело Лавра образует крест, который семиотически коррелирует с именем деда, в которого он превратился внешне, и распростёртыми на Кресте руками Спасителя, которому он уподобился внутренне.

Старец Иннокентий предупреждал Арсения: *Не увлекайся горизонтальным движением паче меры. – А чем увлекаться? – Движением вертикальным...* Траектория последнего движения Лавра раздваивается. Пренебрегаемое им при жизни тело движется горизонтально, по земле, а душа устремляется вверх, прокладывая вертикальную линию пасхальной русской культуры – через земные страдания к Небу. Пальцы рук Лавра перебирают траву, *как перебирают четки*. Взяв на себя грехи и болезни людей, он молится за оставшихся внизу, в том числе за своих земляков-мучителей из Рукиной слободки. Его прозвище *Рукинец*, при жизни соединявшее в себе название малой родины и способа врачевания, получает новую смысловую грань. Подобно Христу Рукинец заключает в объятия весь мир. В начале романа перефразистически предугазано *пре-подобие* Лавра: его врачебное искусство названо достигшим *высот, недоступных, казалось, человеку*. Но «невозможное человеком возможно Богу» (Лк. 18:27). Самое большое композиционное кольцо романа семиотически замыкается. Отныне и навеки Арсений – *преподобный Лавр*.

Примечания

1. Все цитаты из романа приводятся по изданию: Водолазкин Е.Г. Лавр: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 440 с.
2. В средневековой европейской мифологии белоснежная птица, предсказывающая смерть или исцеление больного.

Список литературы

1. Иоанн, прп. Лествица. М.: Лествица, 1999. 671 с.
2. Павлов С.Г. Концептуально-семантическая тригlossия русской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 496–499.

3. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. Репринт. изд. М.: Книга, 1989. Т. 3.
2. Pavlov S.G. Konceptual'no-semanticheskaya triglosiya russkoj kul'tury // Vestnik Nizhegorodskogo universi-

SACRED SEMIOTICS OF E. VODOLAZKIN'S NOVEL «LAVR»

S.G. Pavlov

The article describes the sacred semiotics of E. Vodolazkin's novel «Lavr». The main content of this semiotics is the unconventional conception of a name, theological doctrine of silence and the Pentecost, and the symbolism of names. The purpose of the article is to identify the semiotic (language) means for expressing one of the key ideas of the novel – the iconic similarity of social and personal events at different periods of human life. In our study, we used the methods of immanent analysis of a literary text with the application of the theoretical framework of general linguistics and theological tools. As a result of the work, we have established a number of semiotic (linguistic) parallels of symbolic type that make it possible not only to better follow the plot line of the text, but also to clearly see the ideological and poetic specifics in its compositional structure.

Keywords: poetic world, semiotics, sacred, language mythology, logotherapy, name, silence, symbolism, language identity, etymology.

Ч. 2. 1884 с.

References

1. Ioann, prp. Lestvica. M.: Lestvica, 1999. 671 s.
- teta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 2 (2). S. 496–499.
3. Sreznevskij I.I. Slovar' drevnerusskogo yazyka: V 3 t. Reprint. izd. M.: Kniga, 1989. Т. 3. Ч. 2. 1884 с.